БЛАГОГОВѢЙНЫЙ ЗРИТЕЛЬ ПРИРОДЫ.

Часть IV.

НОЩНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

НОЩНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Нощная прогулка

Теперь промѣниваю я хитрыя произведенія искуства на величественный театрЪ природы, – прохладную тѣнь рощицы на вершину высокихЪ горЪ. Не нужна мнѣ густота листьевЪ. Солнце, оставивЪ горизонтЪ, лучами своими не пожигаетЪ болѣе полей, окрестЪ меня лежащихЪ. Сколь нещастенЪ человѣкЪ здѣсь — на свѣтѣ! Сердце его едва ощутитЪ радость, печаль препятствуетЪ наслаждаться оною долговременно. Едва палящій

жаръ дневный миновался, воздухъ сталъ чище, дыханіе свободнѣе, тишина и безмолвіе, стремящіяся воцариться въ природѣ совокупляются съ глубокими размышленіями моими: но вотъ уже, сія любезная страна и всѣ ея разновидныя прелести исчезли во мракѣ. Величественный замокъ и презрѣнной шалашъ равно сокрылись изъ очей моихъ; горы и ихъ сумрачныя вершины потерялись изъ виду; уединенныя и цвѣтами испещренныя долины кажутся мнѣ ужасными стремнинами. Чорная завѣса, разпростертая на ровнинахъ, скрываетъ отъ меня многочисленныя стада и златыя жатвы. Нощь изходитъ изъ среды лѣсовъ, и мрачную свою мантію разстилаетъ по долгимъ излучинамъ сребряныхъ ручьевъ. Я не увеселяюсь болѣе богатымъ изо-

биліемъ природы, различіемъ ея красотъ и великолѣпіемъ полевыхъ картинъ ея. Все по видимому исчезло. Какъ это скучно!

Но долженъ ли я сожалѣть о потерѣ сей? Не довольно ли я за сіе награжденъ красотами тверди небесной? Взоры мои обѣемлютъ цѣлое полукружіе горизонта; самые густые мраки не скрываютъ отъ меня сего величественнаго свода; планеты одна за другою выходятъ изливать блестящіе огни свои; звѣзды усыпаютъ небеса драгоцѣнными камнями; тысячи небесныхъ лампадъ горятъ надъ главами нашими; небеса сіяютъ тихимъ свѣтомъ; обворожающимъ взоры наши и сообщающимъ душѣ чистѣйшія радости. Синеватый цвѣтъ воздуха придаетъ звѣздамъ ярчайшій и жи-

вѣйшій блескъ. Все сіе любезно и занимательно.

Кромѣ того другое еще веселіе мнѣ представляется. *Нощь* возвращаетъ жизнь увядшимъ растеніямъ; прохладная роса наполняетъ нѣжныя чашечки цвѣтовъ; нѣжныя зефиры бальзамируютъ воздухъ, которымъ я дышу; и — естьли что придаетъ большую цѣну симъ утѣхамъ, то та спокойная безопасность, съ которою наслаждаются оными. Ядовитая змія въ сихъ нѣжныхъ цвѣтахъ не извивается; чудовища не поражаютъ ужасомъ своимъ Философа, въ чащѣ лѣсовъ сихъ размышляющаго: но я отступилъ отъ моего предмета. Удалитесь отъ меня, обворожающія прелести. Великолѣпіе небесъ опять привлекаетъ мои мысли и взоры.

Долгое время я блуждалъ среди тробницъ, разсматривалъ памятники смерти, дабы обнаружить тщету тлѣнныхъ вещей и расторгнуть ихъ очарованіе. Оставивъ сіи мрачныя жилища, я пошелъ въ садъ, цвѣтами испещренный, наполнилъ душу драгоцѣнными размышленіями о *безсмертіи* и *вѣчности*. Возжегъ свѣтильникъ благоразумія не для того, чтобъ блистать онымъ во градахъ, или въ тщеславныхъ училищахъ; но для того, чтобъ совѣсть, сомнѣвающуюся о высокихъ истинахъ, убѣдить и успокоить.

Премудрый Создатель! сколь чудесна кисть, которою Ты начерталъ блистательные цвѣты весеннія! Сколь явственна печать благости Твоей на всѣхъ произведеніяхъ натуры! Небеса громко возвѣщаютъ славу Твою. Твердь

небесная есть самое убѣдительное доказательство бытія Твоего. Языкъ ея внятенъ самымъ дикимъ народамъ Между тѣмъ, какъ многіе погребены во снѣ, я внимаю сему тайному гласу. Сильнѣйшія впечатлѣнія Вѣчнаго Могущества проницаютъ душу мою. Скромное уединеніе для всѣхъ можетъ быть другомъ добродѣтели; можетъ среди самой полунощи.

II.

Нелѣпость науки предсказывать будущее по звѣздамъ.

Пусть нечувствительныя сердца къ утѣшительнымъ словесамъ *откровенія* присоединяютъ тщетныя умозаключенія о противостояніи и соединеніи планетъ; ихъ знаніе мечта, ложъ и несправедливость.

Я не хочу домогательно знать, живѣйщимъ ли свѣтомъ блистали созвѣздія, или только покрыты были печальнымъ мракомъ въ часъ моего рожденія. Дѣйствуютъ ли онѣ на бытіе мое, и о семъ знать не домогаюсь. Да бодрствуетъ и печется о мнѣ Вѣчный. Онъ хранитъ животъ мой, и я смѣюсь слабымъ угрозамъ явленій, — отвергаю предвѣщаніе бездушныхъ планетъ. *Сіи* тѣла, незнающія собственной судьбы своей, могутъ ли меня извѣстить о моей участи? буду ли я искать помощи у нечувствительной и мертвой матеріи въ то время, когда могу прибѣгнуть къ Верховной Премудрости? Она только одна можетъ проникнуть вдругъ во все то, что непремѣнно должно случиться со мною въ будущемъ. Я никогда не буду разбирать хаосъ судьбы моей по блуждающимъ пла-

нетамъ. Лучше во всемъ препоручить себя Богу; Онъ въ благораспоряженіи жребія моего не погрѣшитъ, ниже ошибется. Пусть естественники назовутъ меня слѣпымъ, но слѣпота моя щастливая.

III.

Открытіе нынѣшней Астрономіи.

Простолюдимъ ничего не видитъ въ лазурномъ сводѣ, кромѣ блистающихъ искръ. *Всѣ* совокупно взятыя звѣзды въ глазахъ его суть посребренныя гвозди, разсѣянныя по небесамъ когда, и какъ, неизвѣстно: но Философъ, на крыліяхъ размышленія вознесшись высоко, и пролетая сквозь всю неизмѣримую обширность тверди, примѣчаетъ тамъ важныя истины. . . . Какое

множество рѣдкихъ открытій зависитъ отъ прилѣжнаго разсматриванія его!

Земля тѣло круглое, не смотря на то, что она заключаетъ въ себѣ высокія горы, ужасныя пропасти и обширныя долины, коихъ точными границами суть небеса и неизмѣримый океанъ. Разсуждая о сей безобразной матеріи, воображеніе наше хочетъ ее поставить на твердомъ основаніи; между тѣмъ она плаваетъ въ Ефирѣ, и кругообращаяся съ милліонами тяжелыхъ тѣлъ оканчиваетъ теченіе свое въ двѣнадцать мѣсяцовъ. Сіе періодическое кругообращеніе связываетъ годовыя времена и производитъ годъ. Она безпрестанно вертяся около оси своей, постепенно обращаетъ стороны свои къ источнику свѣта; такимъ образомъ на нашемъ полукружіи, когда бы-

ваетъ день, тогда на другомъ нощь. Безъ сего сугубаго движенія одна половина нещастныхъ обитателей земли была бы пожираема огненными лучами дневнаго свѣтила, другая же оледенѣвши въ лонѣ снѣговъ и мразовъ, прекращала жизнь свою прежде времени.

Кто не примѣтилъ необходимости сего сугубаго движенія земли, быстрой постепенности въ теченіи ея и пріятнаго союза оныя съ прочими тѣлами. Тако заповѣди и правила Религіи соединяются съ дѣлами и невинными удовольствіями жизни! Воображаютъ, что Богъ отвращается мірскихъ прелестей; говорятъ что душа наша должна отрещися отъ всѣхъ забавъ жизненныхъ, естьли мы стремимся къ блаженству лучшія жизни. Но таковые мечтатели обманываются, и сія мысль для Божества

обидна; она оскорбляетъ благость Его. Богу угодно вести насъ къ верховному благу не колючимъ терніемъ, покрывающимъ страшныя пустыни, а стезями мирными и пріятными. Онъ никогда не имѣлъ намѣренія остановить теченіе премудрыхъ дѣяній своихъ, ниже ослабить пружины вседѣйствующаго Промысла; а когда учредилъ для человѣка нѣкоторыя нужды и заботы, то для того, чтобъ онъ былъ трудолюбивъ съ справедливостію; — чтобъ честолюбіе и корысть никогда не были побудительными причинами человѣческихъ дѣйствій, ниже правиломъ его намѣреній. Онъ не хотѣлъ совсѣмъ истребить страстей нашихъ; ибо безъ нихъ не льзя быть человѣку; но далъ намъ разумъ и волю, чтобъ мы ихъ управляли къ лучшему. Онъ не

хотѣлъ совсѣмъ искоренить чувственныхъ нашихъ удовольствій; ибо безъ нихъ не понимали бы мы предчувствій будущаго блаженства; но чтобъ они не обращались намъ во вредъ, предписалъ законъ, уклоняющій насъ отъ ихъ неумѣренности и излишества. Человѣкъ можетъ наслаждаться нѣжною дружбою, и имѣть Бога въ сердцѣ своемъ; онъ можетъ вкушать пріятности, разлитыя въ сей жизни, и — также питать надежду въ разсужденіи нескончаемой вѣчности. Купецъ можетъ попечительно наблюдать торговлю свою, и между тѣмъ пещися о дѣлѣ спасенія своего. Воинъ, сражающійся за своего Государя, можетъ равно воинствовать подъ знаменами Хріста и получить нѣкогда неувядаемый вѣнецъ. Отецъ можетъ предпринимать честныя

намѣренія въ разсужденіи благосостоянія семейства своего, и между тѣмъ не терять изъ виду безцѣннаго сокровища, — *души* своей. Тако Христіянство, будучи подобно сугубому движенію земли, можетъ произвесть всеобщее въ мірѣ согласіе, и не сковывая жизненныхъ удовольствій, можетъ доставить намъ истинное верховное благо.

Намъ слабымъ Атомамъ, разсѣяннымъ по поверхности сей, земля кажется неизмѣримымъ шаромъ, устланнымъ нѣжною зеленью покрытымъ всякаго рода плодами, украшеннымъ гордыми убранствами; а воображаемымъ обитателямъ прочихъ планетъ она кажется блестящею точкою, Сіи свѣтила, крутообращающіяся надъ главами нашими, попеременно блистающіе въ глазахъ нашихъ, и составля-

ющіе особенное украшеніе нощи; сіи свѣтила кажется, составляютъ новый обитаемый міръ. Они по сущности суть такія же темныя тѣла, какъ и земля; а естьли блестятъ, то по отраженію. Они вмѣщаютъ въ себѣ пространныя поля, моря и горы; ибо великимъ планетамъ пустымъ быть не свойственно. Всѣ сіи восхитительныя выгоды, каковыя намъ природа расточаетъ, сіи пріятности, непрестанно насъ восхищающія, сія удивительная и непостижимая связь между существомъ тѣлеснымъ и духовнымъ, даръ жить, и еще драгоцѣннѣйшій даръ чувствовать и наслаждаться жизнію, все сіе имъ даровано. Не зная истинныхъ своихъ увеселеній, мы подражаемъ ихъ забавамъ. Блистающее солнце, сей отецъ жизни и изобилія всѣхъ насъ равно озаряетъ.

Оно окомъ своимъ, окомъ всякія благости и щедротъ исполненнымъ, видитъ сію неизмѣримую громаду существъ, вращающихся при подножіи своемъ, и лучами его питающихся.

Солнце одно, будучи непремѣнно и неподвижно среди тверди, величественно обращается около оси своей и свѣтъ свой сообщаетъ прочимъ планетамъ. Сіе свѣтило и прочія, нами созерцаемыя и его окружающія, составляютъ малую часть обширной системы цѣлой вселенной. . . . Сія звѣзда, представляющаяся глазамъ нашимъ столь малою, какъ алмазъ, украшающій царскую корону, есть шаръ столь же великой и стольже блистательной, какъ солнце. Каждая звѣзда есть центръ особенной системы и освящаетъ множество міровъ, величественно окружающихъ ее.

Что можетъ быть чудеснѣе и таинственнѣе сихъ высокихъ наблюденій! Величество Божіе безконечно, и можетъ ли воображеніе наше положить границы твореніямъ его? Кто можетъ измѣрить сей великолѣпный и страшный сводъ? Десница вѣчнаго предѣлы созданій своихъ распространила даже до безконечности. Оставь землю, пролети пространство воздуха, вознесися выше всѣхъ планетъ, воспари быстрымъ полетомъ своимъ къ центру самой высочайшей звѣзды: ты увидишь тамо возвышающуюся другую твердь, новое солнце, изливающее неисчерпаемые лучи свои, новыя звѣзды, творящія ночи столь же прекрасными и пріятными, какія видны въ нашемъ полукружіи. Величественная система поразитъ, можетъ быть, удивленные и растерявшіеся въ новой

неизмѣримости очи наши. Естьли бы я, собравшись съ силами, отважился вознестися выше сей второй тверди; то такъ же не успѣвши, какъ и въ первомъ полетѣ своемъ, узрѣлъ бы третіе небо, узрѣлъ, и — ужаснувшись, ничего не могъ произнести, кромѣ словъ сихъ: *Чудна дѣла Твоя Господи вся премудростію сотворилъ еси!!*

IV.

Десница, управляющая звѣздами, хранитъ Христіанина.

Сколь возвышенъ и величественъ сей куполъ небесный! Гдѣ столпы его? Гдѣ основаніе сего гордаго свода? Самъ, будучи непоколебимъ на твердостяхъ своихъ, Онъ каждой день видитъ милліоны исчезающихъ су-

ществѣ. Естьли удивительныя звѣзды суть тягостныя громады; то какая цѣпь приковываетъ ихъ къ тверди небесной? По какому механическому дѣйствію сіи великія тѣла на насъ не упадаютъ, и не подавляютъ всѣхъ земныхъ обитателей? Всемогущій Архитекторъ отворяетъ врата Норда, и всѣ звѣзды являются на предопредѣленномъ мѣстѣ своемъ. Онъ землю и всѣ другіе шары повѣсилъ ни на чемъ; и — сіе основаніе столь твердо, что ни стремительно текущіе вѣка, ни коса времяни не могутъ поколебать его.

Такова есть безопасность Христіанина! Десница, положившая основаніе вселенной, защищаетъ и блюдетъ его. Человѣкъ, самъ по себѣ будучи безсиленъ, и не имѣя основательныхъ помышленій, при всемъ томъ окруженъ страшными,

видимыми и скрытными врагами. *Міръ* разверзаетъ тысячи пропастей подъ ногами его; *плоть*, яко вѣроломный наемникъ подъ любезнымъ видомъ веселія и дружбы, хочетъ развратить непорочность его: но невидимая помощь спасаетъ его. Не отчаявайся искушаемый праведникъ: *Азъ сохраню тя, яко зѣницу ока*, сказалъ Господь. Утѣшительная истина! Десница, утвердившая звѣзды и управляющая движеніемъ планетъ простерта къ сохраненію наслѣдниковъ спасенія. *Овцы мои*, увѣряетъ Спаситель, *не погибнутъ во вѣкъ: кто возможетъ исторгнуть ихъ изъ руки Моея?* Кто произнесъ словеса сіи? Всемогущій! Кому? слабымъ тварямъ, старающимся итти по стезямъ его. Полагаясь на Него, тогда только мы плѣнимся обольщеніемъ враговъ на-

шихъ; тогда только вдадимся въ обманъ ихъ, или устрашимся насильственныхъ нападеній ихъ, когда разрушится и бездѣйственно будетъ Всемогущество Божіе.

Залогъ вѣчнаго благаго завѣта Божія съ избранными людьми, — съ *отрожденнымъ Израилемъ* емблемматически напечатлѣнъ на постоянствѣ тѣлъ небесныхъ при непрерывномъ движеніи ихъ. Кто сумнѣвается о постоянной перемѣнѣ дня и ночи, зимы и лѣта? И — для чего бы намъ сумнѣваться о благодатныхъ *обѣтованіяхъ* Божіихъ? Небеса пребудутъ неизмѣняемы; и — Богъ ли измѣнится въ словѣ Своемъ? Не отвергнемъ сію истину; въ подтвержденіе оныя мы имѣемъ сильнѣйшее доказательство. Вселенная утверждена на твердомъ основаніи; однако она менѣе надежна, нежели *слово Бо-*

жіе; ибо проречено: *Небо и земля прейдутъ, словеса же Моя* пребудутъ во вѣки; проречено единожды, и навсегда останется Свято.

V.

Постепенное явленіе звѣздъ, Емблемма истиннаго обращенія.

При прибытіи моемъ въ сей прекрасный садъ, *звѣзды*, — сіи блистающія перлы помрачены были солнечнымъ сіяніемъ. Хотя они были на томъ же мѣстѣ, и бросали тѣ же лучи; но они были отъ очей моихъ сокрыты. Теперь, когда дневный свѣтъ пріемлетъ оттѣнки мрачной нощи; когда тѣни, начертанныя въ долгихъ изгибахъ, стремятся покрыть землю;

луна, предводительствующая симъ множествомъ звѣздъ, показываетъ свѣтозарное чело свое. Между тѣмъ, какъ я разсматриваю блистательный и гордый видъ ея, вижу звѣзды, показывающіяся изъ-за-лазурной завѣсы. Онѣ играютъ, блещутъ и попеременно скрываются. Вскорѣ онѣ въ неизчислемомъ множествѣ изходятъ изъ лона мрачности. Вся твердь кажется пространнымъ созвѣздіемъ. Лучи славы и свѣта низливаются съ высоты небесной.

Таковъ точно успѣхъ *истиннаго обращенія* въ сердцѣ невѣрнаго. Во время теченія безполезныхъ лѣтъ его тысяча важныхъ истинъ были покрыты мрачнымъ покровомъ; но когда *Благодать* разогнала сей густый мракъ, *невѣрный* различаетъ уже предметы, спосиѣшествующіе къ блаженству

его. Святыя слова Священнаго Писанія вливаютъ въ душу его неизъяснимое услажденіе; ужасная мысль о грѣхѣ возраждаетъ въ немъ страхъ, радостная о добродѣтели утѣшеніе. Угрозы производятъ исправленіе, надежда непоколебимость въ вѣрѣ. Часто первые лучи *Благодати* помрачаются преслѣдующими печальми; но мало спустя, чрезъ сіе искушеніе болѣе утверждается обращеніе спасающагося. За ненастьемъ ведро, за огорченіемъ представляются обыкновенно отрада. Страданія вѣры въ сердцѣ избранныхъ укореняютъ неописанную радость. Когда мы чувствуемъ оныя, то необузданныя желанія уступаютъ мѣсто желаніямъ благочестивымъ, спасительнымъ, и ненадежное изнеможеніе часто по содѣйствію Благодати обращается въ мужественное упованіе. Душа *отрож-*

деннаго пріемлетъ новый образъ. Новыя правила одушевляютъ поступки ея. Благодать все измѣняя ветхое, все потребляя грѣховное, возраждаетъ новое, Святое въ сердцахъ развращенныхъ. Долго блуждавшій во мракѣ, озарившись лучемъ славы ея, грядетъ наслаждаться *выгодами безсмертія* въ лонѣ Господа своего; грядетъ и достигаетъ.

VI.

Польза звѣздъ.

Сіи источники огня, сіи хранилища свѣта не такъ, какъ безполезныя тѣла помѣщены въ небесахъ. Пріятное ихъ положеніе, тихія и нѣжныя ихъ вліянія доказываютъ, что они созданы для человѣческаго блага. Они поставле-

ны въ надлежащемъ отдаленiи съ тѣмъ, чтобъ намъ доставить игрою своею большее удовольствiе; а будучи къ намъ ближе, они бы, или опаляя насъ огнемъ своимъ или омрачая, составляли нестерпимое наше мученiе. Что они ни крайне малы, ниже чрезвычайно велики, а какъ средственные алмазы горятъ на тверди небесной; тѣмъ кажутся для насъ чудеснѣе и любезнѣе. Они не имѣютъ ни такой силы, чтобъ похитить у насъ прохладу спокойной нощи, ни такого свѣта, чтобъ развлекши душу нашу, лишить ее нужнаго успокоенiя.

Богъ повелѣлъ симъ небеснымъ свѣтиламъ блистать во время нощи, не для того единственно, чтобъ величественною позолотою украшать кровы домовъ нашихъ, мы получаемъ болѣе пользы отъ ихъ благодѣтельнаго свѣта. Онъ раздѣ-

ляютъ теченіе времяни и назначаютъ періоды его; онѣ полагаютъ конецъ трудамъ нашимъ, а часто печали и безпокойствамъ. Сіи звѣзды суть вѣрные знаки временъ, годовъ и дней. Одно обращеніе теплоты и холода было бы весьма обманчивое правило; а сіи лучезарныя тѣла правильнымъ движеніемъ своимъ доставляютъ намъ средства къ различенію времяни. Посредствомъ ихъ земледѣлецъ знаетъ, когда повѣрять безцѣнное сѣмя воздѣланнымъ браздамъ, — мореходецъ, находя для себя щастливой путь среди морей, привозитъ съ собою въ неизвѣстныя и дикія страны многія рѣдкости, и мѣняетъ на оныя великія сокровища. Такъ полезны звѣзды въ физическомъ кругу! Но сколь полезнѣе онѣ для Христіанина? Онѣ способствуютъ ему исчислять дни,

ведущіе его ко спасенію. Естьли Богъ измѣрилъ дни и лѣта, разпредѣлилъ періоды жизни нашей, и положилъ неизвѣстной предѣлъ оной; то для сего, чтобъ мы знали цѣну времяни. Внезапно могутъ померкнуть звѣзды въ очахъ нашихъ, внезапно можетъ прекратиться животъ нашъ; сіе воображая, будемъ бережливы въ разсужденіи времяни. Всѣ дѣйствія наши, исполняемыя въ нощи и въ полудни, замѣчаются въ книгѣ Всевѣденія Божія неизгладимыми чертами. Небеса свидѣтельствуютъ предъ Сердцевѣдцемъ и въ сокровенныхъ нашихъ. И такъ сколь драгоцѣнно для насъ и одно мгновеніе ока! Научимся, храня жизнь и съ сокровищами ея, быть полезными себѣ и людямъ, творя нуждающимся помощь во благовременіи.

Красота неба не сокрыта и отъ самыхъ дикихъ народовъ. Всѣ люди взираютъ на оныя съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Непостоянство нашихъ склонностей никогда не могло помрачить прелестей прекраснаго неба. Звѣзды блистаютъ, кажется, для — того, чтобъ вдохнуть въ меня радость, убѣждающую о Величіи Божіемъ, и чтобъ возбудить ревность къ трудамъ, служащимъ къ всеобщему благосостоянію. Я внимаю внушеніямъ вашимъ, горніе увѣщатели! естьли честь прельщаетъ душу мою, естьли слава движетъ сердце мое; вы представляете мнѣ средства, способствующія къ исполненію обязанностей моихъ. Вы свѣтлы, и я хочу быть чистъ въ точномъ прохожденіи служенія моего. Въ случаѣ преткновенія ваши лучи да напутствуютъ меня къ бодрости и исправленію.

Звѣзда полярная непремѣнна и неподвижна. Будучи вѣрнымъ стражемъ ночи, она никогда не оставляетъ ей назначеннаго мѣста. Всѣ годовыя времяна, всѣ при быстромъ и перемѣнномъ движеніи своемъ видятъ ее въ одинакомъ средоточіи. Коликократно яркій свѣтъ ея, показуя путь погибающему матросу, довелъ его къ тихой пристани? . . . Она одна предводительствовала первыми опытниками, отважно покусившимися взойти на корабль. Взоры ихъ изступленные отъ сребролюбія и страха безпрестанно взирали на сію благодѣтельную сопутницу. Когда опасная туча покрывала мракомъ своимъ все небесное пространство; тогда отчаянный мореходецъ, блуждая по волнамъ, безпрестанно видѣлъ ужасную смерть, стремящуюся сокрушить корабль и по-

хитить у него сладчайшую надежду: но какъ скоро блистательной путеводитель его мало показывался, смущенная душа успокоивалась. Онъ управлялъ кормиломъ его. Извѣстность, надежда и удовольствіе приближали его къ центру изобилія. Не такъ ли, или еще надежнѣе руководствуетъ насъ *Вѣра* къ чертогу небесныя Славы?

VII.

Притяжаніе и отраженіе.

Когда я размышляю о тѣлахъ небесныхъ, могу ли забыть первоначальные законы нашей астрономіи, силу отдаляющую отъ центра и стремящуюся къ центру? Одна составляетъ связь сего величественнаго въ мірѣ соединенія, другая — источникъ всегдашней

дѣятельности и чудеснаго всѣхъ вещей устроенія. Когда Богъ, восхотѣвшій воззвать изъ ничтожества вселенную, изрекъ всесильное *да будетъ*; съ симъ словомъ всѣ планеты получили силу движенія и кругообращенія. Естьли бы они не покорились симъ двумъ законамъ, то бы опять низверглись въ первобытную пропасть. Сила *привлеченія*, соединенная съ силою *отраженія*, составляютъ, такъ сказать, пружину движенія ихъ и порядка. Сіи двѣ причины умѣряютъ ихъ теченіе, и производятъ царствующее на небесахъ и на земли согласіе. Безъ нихъ всѣ сіи массы, не имѣя благоучрежденія, низверглись бы въ бездну ничтожества. Но привлекающія силы и движущіяся сами отъ ударенія одной объ другую по волѣ Всемогущаго, служатъ къ неизмѣняемому совер-

тенству *всецѣлаго*. Міра всѣ сіи шары, повинующіеся вліянію вседвижущихъ источниковъ, возобновляютъ постепенную перемѣну дня и нощи, теплоты и стужи, ненастья и ведра. Тако творенія, исполняющія установленіе промысла, одушевляютъ бытіе міра!

Сія цѣпь, утверждающая составъ физическаго міра, ощутительно возводитъ мысли наши къ двумъ великимъ началамъ нравственнаго міра, — *къ любви и къ вѣрѣ*. Вотъ правило и обузданіе Христіанина! Сія-то пріятная связь соединяетъ правовѣрныхъ съ Богомъ, и однихъ съ другими между собою; съ Богомъ — признательностію и благочестіемъ, — между собою взаимною услугою и дружествомъ.

Сколь удивительно сіе начало *привлеченія*! Оно, будучи разно-

видно, разпростерто всюду, составляетъ сущность тяжелыхъ тѣлъ; оно разливаетъ оживленіе даже до сокровеннѣйшихъ границъ всемірной системы. Мы ему одолжены давленіемъ атмосферы. Сія тонкая и легкая жидкость, будучи стеснена силою *привлеченія*, весь шаръ земной и жителей его покрываетъ туманомъ. Рѣки, угнѣтаемыя чудеснымъ давленіемъ его, обращаются въ сокровенныхъ жилахъ земли. Ручей, катясь отъ давленія его стремительнѣе, орошаетъ широкія долины. Сею же таинственною силою возбуждаемые питательные соки растеній изъ корней переливаются въ вершины. Сія жизненная влажность по силѣ привлеченія, проходя чрезъ милліоны малинькихъ каналовъ, производитъ обиліе цвѣтовъ и плодовъ на самыхъ малинькихъ сучьяхъ.

Сія-то сила удерживаетъ напротивъ океанъ въ берегахъ его. Ревущія волны сражаются между собою въ свирѣпствѣ своемъ; но не смотря на быстрое стремленіе, они обуздываются внезапно невидимою какою-то уздою. Легкой преграды, — тонкаго дыханія вѣтра онъ прейти часто не смѣетъ. Горы сей же силѣ одолжены безстрашнымъ челомъ своимъ, сопротивляющимся вихрямъ страшныя бури. Силою сего непримѣтнаго механизма безъ блоковъ и насосовъ милліоны бочекъ чистой воды подымаются на воздухъ. Сіи совокупленные вапоры, поддерживаемые тою же самою силою, изливаются на землю въ обильномъ дождѣ или въ нѣжной росѣ. Будучи сгущены холодомъ, они убѣляютъ наши долины снѣгомъ, или отвердѣвши, покрываютъ ихъ крупнымъ гра-

домъ. Сіе самое начало, тѣсно связуя частныя тѣла, укрѣпляетъ цѣлое. Безъ него машина вселенной была бы безсильна и бездѣйственна; безъ него напраснобъ мы искали помощи въ орудіяхъ, при многихъ обстоятельствахъ нужды и заботы наши облегчающихъ. Оно есть источникъ равновѣсія, производящаго чинъ и непоколебимость во всѣхъ вещахъ; оно есть цѣпь, связующая малыя части міра съ великими и неизъяснимо способствующая къ совершенству ихъ. Сколько одна причина производитъ дѣйствій! Какая въ распоряженіяхъ ея примѣтна точность, стараніе и бережливость! Въ благодѣяніяхъ ея какая щедрота! въ тратахъ удивительная экономія!

Да какъ намъ понимать сіе *привлеченіе*? Существо ли оно какое неотдѣлимое отъ вещества?

Или невидимый перстъ самого Бога? Непостижимо!... Только чувствительно, что непрестанное влiянiе силы его дѣйствуетъ на всѣ видимыя тѣла такъ, какъ *Святый Духъ* на невидимыя наши души. Дѣйствiя и того и другаго столь же велики, удивительны и многоразличны. Сила перваго производитъ чудеса отъ начала мiра донынѣ; и Святый Духъ чудодѣйствуетъ въ сердцахъ нашихъ чрезъ всѣ вѣки. Онъ сообщаетъ Спасительную благодать свою всѣмъ правовѣрнымъ, всякое нравственное благо въ человѣцѣхъ Его излiянiе. При помощи Его вседѣйствующiе силы, Святые попразъ порокъ, возторжествовали надъ мiромъ. Его дѣйствiемъ Церковь просвѣщается, поддерживается, управляется; — разумъ расторгаетъ завѣсу невѣденiя, желанiе грѣха изкореняется,

наклонность къ сладострастію изчезаетъ, твердые оковы злой привычки сокрушаясь, оставляютъ человѣка свободнымъ для исполненія одной правды и истины. Сей Духъ оживотворяетъ изсохшія кости, вѣра ихъ подкрѣпляетъ. Его вдохновеніе самое окаменѣлое сердце дѣлаетъ чувствительнымъ, въ страждущую душу вливаетъ утѣшеніе. Оно среди униженія и бѣдствій возраждаетъ сладкую надежду, въ опасности научаетъ знать *хитрость змінну*, въ благоденствіи *незлобіе голубицы*. Отъ Него мы получаемъ любезную кротость и непобѣдимую крѣпость.

VIII.

Цѣль существъ.

Когда я созерцаю огромное зданіе вселенныя, когда разсматриваю

великолѣпныя хранилища свѣта и жизни; когда обьемлю мыслями безчисленные существа, наполняющія обширныя системы, — отъ Серафимовъ, служащихъ при подножіи Престола Ветхаго деньми даже до дикихъ народовъ, живущихъ во снѣгахъ и въ пламени; какое тогда примѣчаю различіе въ кольцахъ сей неизмѣримой цѣпи! какая постепенность въ сей безконечной лествицѣ существъ! Кѣмъ они связаны? Все сотворено Богомъ, отвѣтствую я самъ себѣ, все наполнено премудростію и силою Его.

Онъ измѣрилъ перстомъ Своимъ сіи обширныя и великія тѣла, повѣшенныя на тверди небесной. Онъ возжегъ дуновеніемъ своимъ сіи огненыя лампады, согрѣвающія вселенную; Онъ имъ сообщилъ сіе порядочное и благотвор-

ное движеніе. Его нѣжная Десница содѣлала сіи безчисленные каналы, по которымъ обращаются жизнь и кровь въ тѣлахъ малѣйшихъ насѣкомыхъ; Онъ разливаетъ удовольствіе во всѣхъ тваряхъ, — въ сердцѣ нашемъ, даже до невидимой и нераздѣлимой точки благодѣянія Его исполняютъ всю природу здѣсь — среди вселенной. Я научаюся исповѣдывать Промыслъ и ему повиноваться.

Но имѣю ли я нужду во вселенной, чтобъ вѣрить Провидѣнію? Всесильная причина не пренебрегаетъ самого презрѣннаго изъ существъ, пресмыкающагося во прахѣ. Небесныя существа наслаждаются лицезрѣніемъ Вседержителя, уничиженные земле-обитатели пользуются благодѣяніями его. Хотя совершенства Божіи открыты только Духамъ, одареннымъ разумомъ,

но ухо Его внемлемъ стенанію юныя горлицы; око Его назираетъ движеніе мравія. Не такъ нѣжная мать печется о любезномъ исчадіи своемъ, тихо лелѣя его на колѣняхъ своихъ, какъ Всемогущій старается о человѣцѣхъ. Скорѣе, огорчившись, нѣжная мать забудетъ исчадіе свое, нежели Отецъ Милосердія возлюбленнаго Ізраиля Какое убѣдительное свидѣтельство Промысла! Какой онъ достоинъ нашей благодарности? . . .

IX.

Свѣтила непремѣняемымъ теченіемъ своимъ упрекаютъ человѣка въ неблагодарности и непостоянствѣ его.

Природа особенную сохраняетъ вѣрность во всѣхъ законахъ, пред-

писанныхъ ей отъ Создателя; всѣ виды существъ охотно пріемлютъ всѣ впечатлѣнія, сообщаемыя имъ десницею Творца. Скорый и воспламененный громъ останавливается отъ гласа Его; молніи повинуются правленію грознаго ока Его; шумящая буря и стремительный вихрь удерживаютъ или умножаютъ свирѣпство свое по волѣ Его; ревущія волны возвышаются или укрощаются при малѣйшемъ движеніи перста Его. Вся вселенная въ десницѣ Его, какъ скудѣльный сосудъ въ рукахъ художника. Одинъ неблагодарный и мятежный человѣкъ, попускающій разстроеннымъ желаніямъ своимъ увлекать себя, робщетъ подъ кровомъ благости Божія; онъ только, отягощая главу свою заблужденіями, сердце страстьми, дѣлаетъ все, что Святости Создателя противно.

Ужасное и справедливое укорение совѣсти! прииди возбудить усыпленную въ преступленіяхъ душу мою. Покрой ее палящимъ покрываломъ стыда и смущенія. Вся природа благоговѣйно повинуется Божію скипетру, а кичливое сердце дерзско ропщетъ на уставы Провидѣнія. Мысль моя на крыліяхъ заблуждающаго воображенія хочетъ облетѣть всю вселенную, безумная критика движетъ уста мои, охлаждаетъ душу мою, погашаетъ должную признательность. Восхитительное и непремѣняемое согласіе не трогаетъ нечестиваго. Онъ будучи глухъ ко гласу природы, и отягощенъ узами страстей, ходитъ съ поникшею главою и не видитъ славы Вседержителя. Да не будемъ слѣдовать сему нещастному примѣру, да покоримъ разумъ внушеніямъ Благодати; и

естьли не соглашаясь на безчисленное множество доказательствъ въ разсужденіи благодѣяній небесныхъ, умъ непрестанно будетъ, возносясь кичиться; то кромѣ гибели ничего ему ожидать не остается.

Да укрѣпится душа моя во всѣхъ своихъ способностяхъ, силы ея да соберутся во едино; я хочу отважною рукою поколебать жертвенникъ всеобщихъ призраковъ. Пусть порочный ругая, причисляетъ меня къ сонму буихъ. Но кто не возлюбитъ чистосердечный гласъ непритворнаго языка. Яко вѣрный служитель Божій, носящій образъ и подобіе Его въ душѣ моей, како я не потеку по стезямъ, назначеннымъ мнѣ отъ руки Его? Пусть Онъ требуетъ всего моего сердца; но что суть тысячи сердецъ предъ Существомъ

безконечныя благости исполненнымъ? Естьли слабость силъ моихъ и моя поползновенная воля сколько нибудь рѣшатся соотвѣтствовать закону Его; то духъ мой истощится въ изысканіи и уваженіи Священныхъ повелѣній Его. Да будетъ услышанъ гласъ мой среди пространнаго міра! да раздастся онъ во глубинѣ всѣхъ человѣческихъ сердецъ, дабы вселенная научилась особенной преданности Богу. Да соединитъ вся природа гласъ свой съ моимъ, для прославленія Искупителя душъ такъ, какъ и Творца всѣхъ существъ.

X.

Возношеніе молитвы.

Созерцаю я, что Богъ сидитъ на престолѣ славы и зритъ милліоны

міровъ, вращающихся при подножіи Его; ничто такъ не занимаетъ вниманіе Его, какъ тварь разумная, тварь кроткая, молчаливая и трепещущая словесъ Его. И такъ что пріятнѣе созданію сему, какъ приближаться и собесѣдовать съ Существомъ толикѣ благосклоннымъ? Духовное размышленіе о величіи совершенствъ и милости Вседержителя ничтожество соединяетъ съ славою Царя Царей, коего скипетръ, будучи источникомъ движенія и свѣта, вращаетъ вселенную. Грѣшникъ! постыдишся ли ты повергнуться предъ Святѣйшимъ и просить того, Которой въ десницѣ своей содержитъ животъ и смерть, о исправленіи твоемъ? Праведный! ты ли не воздохнешь предъ Тѣмъ, Кто силенъ удовлетворить всѣмъ твоимъ благочестивымъ желаніямъ,

всѣмъ, сколько бы они ненасытимы ни были. Состоянїе мое, когда я умственно представляю себя падшимъ на послѣдней ступени жертвенника Владычня, кажется мнѣ гораздо благороднѣйшимъ и величественнѣйшимъ, нежели какъ бы я былъ везомъ на торжественной колесницѣ среди восклицанїй человѣческихъ, — сего тщетнаго шума, которымъ плѣняется слухъ гордости, и которой исчезаетъ, лишь только услышана будетъ правда.

А чтобъ болѣе мы занимались Богомыслїемъ, для сего разсмотримъ нѣсколько славу Верьховнаго Владыки и слабость нашего сложенїя. Дѣла Создателя неисчислемыя, непонятныя ихъ свойства и безпредѣльныя границы поражаютъ насъ своимъ порядкомъ, красотою и соразмѣрнымъ расположенїемъ. Каждая часть мїра столь тѣсно

и хорошо соединяется съ другою, что не льзя сумнѣваться, чтобъ все сіе было произведено инымъ кѣмъ, кромѣ Верховнѣйшаго Премудраго Архитектора. Естьли бы мы могли соединить въ обозримый пунктъ всѣ чудесныя дѣйствія величественнаго плана Зиждителева; какой богатой и обильной источникъ представился бы для всегдашняго разсматриванія нашего! Всѣ существа принудили бы насъ удивляться имъ. Все заставило бы насъ хвалить Виновника ихъ. Но естьли мы будемъ разсуждать о дѣлахъ Создателя, назидающихъ наше благоденствіе и выгоды безсмертія, о Его *благодати*, управляющей всѣми движеніями сердца нашего, о его *законѣ*, приводящемъ всѣхъ къ первобытному совершенству, и весь міръ преобращающемъ въ Храмъ

всеобщаго блаженства; то чей духЪ и чьи чувства не тронутся симЪ великимЪ залогомЪ любви Его? Кто будетЪ столь ослѣпленЪ нечестіемЪ и буйствомЪ, чтобЪ взирая на небо едино, отважился сказать Всемогущему безбожнымЪ языкомЪ: „Удалися отЪ мене; не „хощу ТвоихЪ благодѣяній; пути, „Тобою предписанныя кЪ добродѣ„тели, мнѣ ненужны; престань цар„ствовать надо мною; мой умЪ и „страсти, вотЪ мой наставникЪ „и старѣйшина.„ Ужасное заблужденіе! небеса помрачаются, земля колеблется при семЪ неблагодарномЪ ожесточеніи нечестиваго. А благочестивый ХристіанинЪ, размышляя о дѣлахЪ БожіихЪ непрестанно, предЪ всѣми сознается: соуслаждаюся, собесѣдуя Богу по внутреннему человѣку.

Но съ другой стороны разсмотримъ мы несовершенное и слабое естество наше. Не побуждаетъ ли оно насъ возносить мысли наши къ пресовершенному Богу? Духъ нашъ непрестанно блуждаетъ въ мрачномъ лабиринтѣ безпокойства и огорченій. Мы при самыхъ малыхъ опасностяхъ жизни, бываемъ нерѣшимы и смущенны. Естьли нѣкоторыя обстоятельства не соотвѣтствуютъ нашему желанію, отчаяніе присѣдитъ при дверѣхъ сердца нашего, и мы изнемогаемъ. Какою бы ужасною пропастію почитали мы свою внутренность, естьли Богъ по моленіямъ нашимъ не разсѣявалъ мраковъ, сокрывающихъ насъ отъ себя самихъ? Какое бы тогда было наше состояніе, когда бы Богъ въ нещастіяхъ нашихъ совсѣмъ насъ забылъ и оставилъ? Сильныя и бун-

ствующія страсти потрясаютъ благоденствіе наше; ежедневныя преступленія показуютъ намъ мечь и громъ, висящіе надъ главами нашими въ наказаніе наше. Жизнь наша всегда болѣзненна, безпокойна, смертна. Сколько побужденій къ упованію на Промыслъ! Есть Богъ, есть существо Всемогущее, и — мы ли отчаемся въ Его помощи? Онъ ли насъ оставитъ, естьли мы будемъ просить Его объ ней смиренномудренно и чистосердечно? Воображеніе содрогается отъ противныя мысли! Пусть порочные, предавшися стремленію беззаконія, коихъ слѣпое и кичливое сердце, не уважая должностьми Евангелія, нарушаетъ обязанность истины; пусть сіи не знаютъ важности и выгоды жертвы духовныя: но мы осмѣлимся ли подражать имъ? Поставимъ ли себѣ въ примѣръ, хотя

бы глава ихъ увѣнчана была лаврами, хотя бы многіе текли по слѣдамъ ихъ, и хотя бы половина вселенныя согласилась придать имъ тишла великихъ и щастливыхъ? Колико любитъ Богъ служителей, покланяющихся ему духомъ и истиною!

XI.

Зима.

Творецъ по видимому величественно открываетъ премудрость Свою и благость въ пріятныя времена лѣта. *Весною* восхищаетъ насъ красота природы; въ сіе время нѣжная мелодія пернатыхъ приводитъ въ восхищеніе слухъ нашъ; бальзамическія испаренія оживляютъ прохладою своею чувства наши. Среди тяжкихъ жаровъ

лѣта десница Его распространяетъ листвія и тѣнь; Онъ возбуждаетъ зефиръ; мшистое ложе ожидаетъ насъ въ срединѣ густыя дубровы. Чистой и прозрачной источникъ скрываетъ въ струяхъ своихъ прохладу для чувствъ нашихъ; онъ извиваяся и тихо журча, ласкаетъ нашему воображенію. Во время *осени* благость Его покрываетъ поля наши безцѣнными сокровищами. Сучья отъ бремени плодовъ нагибаются; земля покрывается классами, какое изобиліе! всюду утѣхи и довольство. *Въ сихъ пріятныхъ* временахъ года Всемогущій проявляетъ особенныя благодѣянія свои; между тѣмъ наступаетъ *зима*, и она есть равномѣрное произведеніе Всесильнаго; и — она непогодами и бурями возвѣщаетъ могущество Его. Льды и мразы суть доказательства благости Его. Они

вопіютъ къ народамъ: „Трепещи-„те, страшенъ гнѣвъ Господень!„ Теперь зима да будетъ предметомъ моихъ пѣсней; и — снѣгомъ покрытая земля, — сей печальный впрочемъ предметъ можетъ возвысить души наши къ Богу, и согрѣть любовію Всемогущаго.

Сколь краткокъ день! солнце паче сіяющее въ пріятныхъ климатахъ грядетъ къ намъ тихими и медлительными стопами. Оно, восходя какъ бы съ сѣтованіемъ отъ полуденныя страны, течетъ скоро къ западу, косвенно бросая на насъ нѣкоторые слабые лучи свои. Едва, едва сквозь густоту воздуха изливаетъ оно свѣтъ, дабы озарить унылыя мѣста пребыванія нашего. Видъ его блѣденъ, лучи печальны, томны и слабы. . . . По случаю блистаетъ оно иногда живымъ свѣтомъ, такъ какъ юность, веселя-

щаяся въ печальной обители; но при самомъ блескѣ представлялясь смущеннымъ, опять оно скрывается скоро и на долго; на долго, — между тѣмъ природа представляетъ намъ зрѣлище опустошенія; цвѣты увяли, листвія исчезли, безмолвныя птицы прячутся въ уединенныхъ ущелинахъ, обнаженныя древа отъ жестокихъ вѣтровъ нагибаются, воздухъ лишился благорастворенныхъ испареній, унылая природа, какъ юная вдовица, неутѣшна, ужасная буря съ порывистымъ свистомъ низвергая градъ, землю сковываетъ льдистою цѣпью.

Будемъ ли мы сожалѣть о днѣ быстро протекшемъ, когда покои наши покрыты завѣсою смерти, и когда ужасные предметы со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ? Кто возжегъ свѣтильники для того,

чтобѣ яснѣе видѣть намѣ перемѣны горести и узнать, что жизнь наша ничто иное есть, какѣ безпрестанное сраженіе золѣ и бѣдѣ? Сколь удивителенѣ порядокѣ, вѣ нѣсколько лѣтѣ сокращающій дни наши! Поживвшій добродѣтельно, скончавшись вѣ малѣ — разлучившись сѣ миромѣ рано, исполнилѣ лѣта многа; но сколь кратка долговременная жизнь для порочнаго! Путь, ведущій насѣ кѣ блаженству, усѣянѣ различными бѣдствіями; по сему надобно ли намѣ обвинять вѣ томѣ Провидѣніе, что оно сократило путь сей? — Благочестно скончавшись, — лишь только проходимѣ мы поприще слезѣ, улыбающіяся долины представляются взорамѣ нашимѣ, тихій свѣтѣ блистаетѣ надѣ главами нашими, радость объемлетѣ сердце наше, слава увѣнчаваетѣ безсмертіе наше.

Но время беззаконныхъ бываетъ еще стремительнѣе и короче. Годовыя перемѣны протекаютъ въ очахъ ихъ, и — они совсѣмъ не видятъ солнца. Сгущенныя облака подъемлются изъ нѣдръ земныхъ, и покрываютъ твердь непроницаемыми парами своими. Воды разливаясь, потопляютъ ровнины; они въ быстрыхъ каскадахъ низпадаютъ съ высоты горъ, — они, кипя сильно, собираются въ широкіе потоки, и опровергаютъ крѣпкіе оплоты. Естьли лѣнивая рука не покрыла кровлею дома своего; водяныя капли, проходя сквозь изгнившую солому бѣдныя хижины, наказываютъ безпечнаго ея жителя. Земледѣлецъ орошенный потомъ отъ измоченія дождемъ, противу воли оставляетъ плугъ свой. Птицы измокшую голову прячутъ подъ отяготѣвшія

крылья свои; они не смѣютъ ввѣрить себя влажному воздуху. Дикіе звѣри, въ безпокойствѣ рыкая, прячутся въ мрачныя свои пещеры. Ліются воды съ небесъ источниками; рѣки не имѣютъ болѣе границъ: они, раздѣлившись на безчисленные потоки, покрываютъ луга и поля жалкимъ наводненіемъ.

Какъ пріятно намъ, когда мы не видимъ сихъ наводненій! Тогда луга наши испещряются цвѣтами, равнины покрываются богатою жатвою. Какое бы отчаяніе поразило бѣдныя семейства, естьли бы въ сіи драгоцѣнныя минуты небо растворилось, и на насъ излилась водъ неизмѣримая бездна. Но не смотря на чрезвычайную гнусность нечестія нашего, Всемогущій не престаетъ еще намъ благодѣтельствовать, не престаетъ, хотя неблагодарный часто повергается

предѣ кумирами случая и рока. Заблуждающій смертный, гордый человѣкѣ, познай слабость твою! Всесильный тою же самою десницею, которою обильно источаетѣ благодѣянія свои, можетѣ низвергнуть на тебя громѣ и молнію.

Сколь ты силенѣ и страшенѣ, Боже вселенныя! Когда воздухѣ спокоенѣ, когда бурные вихри не прерываютѣ вѣ природѣ любезной тишины; тогда вѣ какихѣ подземныхѣ вертепахѣ они бываютѣ скованы? Какая могущественная сила удерживаетѣ стремленіе ихѣ дотолѣ, пока тебѣ благоугодно будетѣ возбудить ихѣ? Ты хощешь; — врата мрачныя темницы отверзаются при великомѣ шумѣ; поколебалась атмосфера, стихіи потеряли равновѣсіе свое; порывистые вѣтры летятѣ чрезѣ

моря и горы, волны воздымаются и ревутъ вдали на сухой землѣ; древа колеблются даже въ самыхъ корняхъ своихъ, движеніе свѣтилъ небесныхъ кажется стремительнѣе, черно-огненное облако, закрывшее солнце, повергаетъ въ уныніе всю природу, лѣса трещатъ отъ сильныхъ ударовъ, дубы долго щадимые бурею, раскалываются отъ грома; одинъ только гибкій тросникъ, преклоняющійся по произволу бури на ту и другую сторону, послѣ всеобщаго злоключенія остается невредимымъ.

Се буря на нѣсколько минутъ умѣрила свирѣпость свою, но для чего? Чтобъ собравъ новыя силы, болѣе свирѣпствовать. Яростное стремленіе ея дошло до высочайшей степени, воздухъ сильно колеблется, высокія башни обрушиваются на основаніяхъ своихъ, вели-

чественные ихЪ куполы низвергаются, упадающіе камни подавляютЪ обветшалую хижину земледѣльца. Гдѣ теперь найти убѣжище? Мятутся селенія, меракЪ окружаетЪ ихЪ отвсюду, ужасЪ соединяется сЪ опустошеніемЪ, порядокЪ стихій нарушился, уныніе обЪемлетЪ сердце человѣческое, природа представляется пространною пустынею Однако всѣ сіи слѣдствія бури преставляютЪ слабое начертаніе гнѣва Божія. УдарЪ ярости его еще не совершился. Сколь постыдна будетЪ гордость твоя, беззаконный, когда Праведный восхощетЪ судить тебя предЪ лицемЪ міра!

ОкеанЪ кипитЪ вЪ пучинахЪ своихЪ, черные волны воздымаются до облаковЪ; стремясь, они сокрушаются о великія камни; слабые корабли, не смотря на тяже-

лые якори, представляются игралищемъ бури, пѣнящееся море разверзается до дна для поглащенія ихъ, грозная туча закрываетъ ихъ въ неизмѣримой пропасти, при семъ тщетно искусство кормщика! Слабо вспоможеніе мореходцевъ! Корабль, преплывая изъ бездны въ бездну, вертится на подобіе пера, вихремъ кругообращаемаго. Отчаяніе объемлетъ душу кормчаго, смерть при каждомъ ударенiи волнъ грозитъ ему подъятою своею косою. Безотрадный нещастливецъ! не теряй времяни въ страхѣ. Когда ухо твое поражаютъ громовые трески, и когда очи твои ослѣпляются огнемъ молніи, тогда оставляетъ ли тебя десница Спасителя твоего? Воздѣй руки твои на Небо, проси помощи Его; вѣтры покаряются повелѣніямъ Его, море уляжетъ отъ гласа Его; отъ по-

мованія перста Его шумъ бури премѣнится въ глубокое молчаніе. Ты на Него положился, пучины морскія утихли, благопріятный вѣтръ дуетъ въ парусы, поврежденному судну представляется желанная пристань, радость появляется на челѣ твоемъ.

Но за грознымъ днемъ часто наступаетъ угрюмая и печальная ночь. Туманныя густыя испаренія, непроницаемые закатившимся солнцемъ, черным крепомъ покрываютъ осиротѣвшую землю. Блуждающіе путешественники въ темныхъ пустыняхъ идутъ тихо, тихо. Луна въ темнотѣ едва, едва примѣтна. Какое скучное время! Хаосъ по видимому возвращается на землю. Буря днемъ опустошила природу, нощь всѣ слѣды страха и трепета покрываетъ мрачною завѣсою.

Я удалился отъ мятежныхъ сообществъ свѣта, и вмѣстѣ отъ скучныхъ его заботъ и мечтаній; обитая во уединеніи, я о прелестяхъ его ни мало не сожалѣю. Довольно, довольно для меня разглагольствовать съ моею душею. Ночные мраки несравнено для меня пріятнѣе, нежели лукавое обращеніе друзей моихъ, (естьли только я имѣлъ ихъ.) Ахъ! для чего я не забуду ихъ коварныхъ хитростей? Какъ мнѣ напоминать вредное ихъ другъ съ другомъ обращеніе? Естьли во мнѣ столько духу и силы? Языкъ ихъ окропленъ ядомъ аспидовъ, гортань представляла гробъ гнуснаго злорѣчія, снѣдающая зависть преображала ихъ въ безжалостныхъ братоубійцъ. Наглость и дерзновеніе метали стрѣлы на небо. Человѣкъ ненавидя ближняго, не имѣлъ

любви къ Вѣчному. Часто я видалъ приближенныхъ къ себѣ погрязшими въ скотскихъ пожеланіяхъ, предавшимися самому студному и сладострастному распутству; видалъ похваляемымъ того, кто былъ другихъ законопреступнѣе. Развращеніе и буйство увѣнчавали цвѣтами блѣдныя и багровыя чела. Чистое удовольствіе далече отстояло отъ ихъ веселія и пиршествъ; оно обитаетъ въ невинномъ серцѣ мудраго.

Сіи-то товарищи, можетъ быть, изгнали меня изъ своего сообщества, оглашая вниманіе мое ругательствомъ и насмѣшками. Ихъ ядовитыя шутки часто касались до моего благочестія, до моихъ обѣтовъ Богопочитанія; они безъ сумнѣнія судили обо мнѣ, что я малодушенъ, своенравенъ и недружелюбенъ; однако сіе меня не трогаетъ; я никог-

да не буду негодовать на нихъ. И естьли бы когда хотя малѣйшее неудовольствіе возродилось въ сердцѣ моемъ, я бы обратилъ его въ молитву. „Помилуй ихъ, ска„залъ бы я, Отче милосердія! По„кажи имъ болѣзнь и безуміе ихъ „нечестія; покажи гнусныя черты „гордости; покажи, да премѣнится „наглое ихъ своевольство въ снѣ„дающую стыдливость и исправле„ніе. Да отверзутся уста ихъ на „благоговѣйное хваленіе величія, „прежде толикократко оскорбляе„маго! Да посвятятъ они на слу„женіе Тебѣ сіи нощные часы, ко„торые безразсудно употребляютъ „на оскверненіе виликія святыни.„

Между тѣмъ я приближаюсь среди непроницаемаго мрака къ жилищу своему. Одинъ среди дубравы, трепещущій отъ страха, едва вижу я голову коня своего,

и только по догадкамъ держусь дороги своей.... Я не имѣю другаго товарища, кромѣ опасности, а можетъ быть самой близкой смерти. Бѣдственъ путь мой: но точно ли я одинъ? Вѣчный Отецъ свѣта, Богъ жизни моей не всегда ли находится одесную меня? Могу ли я сомнѣваться о присутствіи Его потому только, что день прекратился? Кромѣ Его нѣтъ для меня никакой десницы, поддерживающей надежду мою; нѣтъ ни единаго друга, ободряющаго меня въ содраганіи, и среди безпокойной дороги занимающаго пріятными разговорами. Но лишенъ ли я защиты Всемогущаго и молитвословія, доставляющаго мнѣ небесное сообщеніе? Всѣ мѣста, всѣ времена, всѣ положенія способны для сего упражненія. Оно есть источникъ неизчерпаемыхъ утѣхъ;

оно есть бездѣнное сокровище, не подверженное законамъ перемѣны и случая, даже въ продолженіи самыя мрачныя нощи. И такъ попущу ли я возобладать надъ собою страху? Приближеніе, какое я нынѣ имѣю къ Богу, сообщаетъ мнѣ новыя силы. Блажени полагающіеся на Всемогущаго! Тысячи небесныхъ духовъ препровождаютъ ихъ въ путяхъ ихъ, храня стопы ихъ отъ преткновенія о камень. Существуютъ ли для меня мраки, когда я наслаждаюсь присутствіемъ Божіимъ? Оно вливаетъ миръ и тишину въ душу мою, и страшное безмолвіе тварей пріятнѣе для меня мелодическихъ звуковъ пѣнія ихъ. Совѣсть моя просвѣщается отъ лучей невидимыхъ совершенствъ Божіихъ, и вѣчная заря озлащаетъ душу мою среди глубокой полунощи.

Сколь удивительны перемѣны Природы! Ввечеру я ее оставилъ простою и неукрашенною, а теперь густый туманъ убѣлилъ долины ея. Снѣгъ присоединяетъ бѣлизну свою къ чистой шерсти стадъ нашихъ; отъ нѣги вѣтровъ завиваются гривы коней нашихъ; заборы обременены повисшими плодами; иней опушилъ ихъ и вѣтьви; одно убранство представляется на древахъ и растѣніяхъ; воздухъ среди пышнаго украшенія сего кажется чище; крѣпительная хладность разливается во всѣхъ членахъ тѣлесныхъ. Тщетно Отецъ дня при восхожденіи своемъ хощетъ разтопить оледенѣвшія испаренія. Густое облако противоборствуетъ яркимъ лучамъ его. Едва, едва я могу теперь различить отъ прочихъ домъ, мнѣ принадлежащій. Гдѣ и кто теперь видитъ блиста-

тельные и лазурные своды тверди небесной? Гдѣ величіе животворнаго солнца? Чье зрѣніе наслаждается величественными картинами Природы? Они сокрыты въ густомъ туманѣ; слава ихъ помрачилась, вселенная опустѣла, всѣ оттѣнки разныхъ цвѣтовъ исчезли. Безъ *Евангелія* души наши подлежали бы равной участи; безъ сего свѣтильника не зналибъ мы ни добра, ни зла. Всѣ были бы для самихъ себя непроницаемыми загадками; настоящее состояніе наше состояло въ одномъ неустройствѣ; будущее означало источникъ басней и безпокойства. Но *солнце Правды* разогнало лучезарнымъ свѣтомъ своимъ облака, покрывающія насъ сѣнію смертною; оно открыло душамъ нашимъ надежду благъ гораздо пріятнѣйшихъ, нежели весеннія; гораздо бо-

гатѣйшихъ, нежели осеннія, и гораздо обширнѣйшихъ, нежели вся система міра.

Туманъ въ отдаленности мнѣ кажется непроницаемою завѣсою; но по мѣрѣ, какъ я къ нему приближаюсь, онъ утончевается. Таковы точно страданія жизни сей; онѣ устрашаютъ того, кто еще не испыталъ ихъ. Таковы чувственныя удовольствія: они обѣщаютъ много; но когда мы ими уже наслаждаемся, очарованіе изчезаетъ, сердце становится пусто, и мы еще, еще желаемъ. *И такъ* въ обоихъ случаяхъ мы обманываемся; острое жало болѣзней притупляется, пронзая насъ; отвращеніе и нечувствительность слѣдуютъ за пламенными желаніями.

Иногда Природа пріемлетъ веселый видъ; меланхолическій ве-

черъ приближается, и тонкій мракъ покрываетъ долины. Небо пріемлетъ густой синій цвѣтъ; звѣзды блистаютъ ярчѣе, пріятнѣе. Но мразъ изливаетъ свои тончайшія и проницательныя содѣйствія на всѣ тѣла; хладный ѳиръ налагаетъ оковы на всю Природу; утро тихими стопами низходитъ на наше полукружіе, и блѣднымъ окомъ своимъ взираетъ на нашъ горизонтъ. Природа облекается въ странную одежду; неровныя и зубчатыя льдины висятъ на кровлѣ домовъ. Туманъ покрываетъ стекла наши густымъ и бѣлесоватымъ лакомъ; плодоносныя поля наши пріяли твердость желѣза; влажныя поля наши представляютъ великой мраморный камень; теченіе рѣкъ остановилось; воды какъ бы прикованы къ песчанымъ берегамъ своимъ; теперь гладкая

и твердая поверхность ихъ дѣлается театромъ забавъ для юношества, и надежнымъ путемъ для быстротекущей колесницы путешественника. Щастливому обитателю полудня, столько бы же непонятнымъ и чудеснымъ, какъ глубокія *таинства* нашея *религіи*, показалось то, что тихое дуновеніе вѣтра покрываетъ озера и рѣки твердымъ хрусталемъ; невидимыми орудіями разкалываетъ дубы и разбиваетъ на тысячу частей желѣзо и сталь, естьли они восхотятъ противоборствовать ему.

Селитряныя частицы, долгое время летающія въ эѳирѣ, очищаютъ воздухъ, которымъ мы дышемъ; — сѣмена заразы разрушены, уничтожены, и моръ не разливаетъ ужасовъ своихъ. Тако печаль истребляетъ порочныя навыки наши. Хладная атмосѳе-

ра весьма сильно давитъ тѣла наши и напрягаетъ нервы наши: напротивъ ясное и безоблачное небо, — знойное солнце изнуряютъ и разслабляютъ насъ, и мы тогда уходимъ подъ тѣнь лѣсовъ, къ прохладнымъ фонтанамъ. Теперь всѣ бодры, всѣ дѣятельны, всѣ въ движенiи: какая-то сила дѣйствуетъ тѣлами? Благоразтворенiе воздуха служитъ дополненiемъ къ поощренiю нужды. Тако жестокая школа нещастiя понуждаетъ душу упражнять способности свои. Хладный климатъ бѣдствiя часто вдыхаетъ въ насъ предпрiятiя, превышающiя человѣчество, между тѣмъ, какъ всегдашнее щастiе изнѣживаетъ насъ и разслабляетъ душу веселiемъ,, безпечностiю и лѣностiю.

Стремительные вѣтры изъ вратъ норда извели на наши долины жестокой хладъ. Сильныя и

порывистыя ихЪ дуновенія шумятЪ и воютЪ около домовЪ нашихЪ, отЪ стремленія ихЪ трещатЪ двери наши и лопаютЪ стеклы оконЪ нашихЪ. Твердыя стѣны — слабая преграда. НѣтЪ для нихЪ препятствія. Обремененныя льдомЪ крылія ихЪ проницаютЪ сквозь теплые мѣхи, и смертный хладЪ разливаютЪ вЪ жилахЪ нашихЪ; они во всей ПриродѣЪ возвѣщаютЪ приходЪ печальной зимы: дыханіе ихЪ для юнаго растѣнія гораздо опаснѣе, нежели смертоносная коса; они умерщвляютЪ вЪ самыхЪ глубокихЪ нѣдрахЪ земли находящіеся корни. Да укроется отЪ нихЪ рожь, вЪ слабыхЪ браздахЪ своихЪ трудомЪ воздѣланныхЪ; да укоснитЪ износить плодЪ свой нѣжное зерно! Сіи свирѣпые тираны не страшатся разрушать надежду цѣлаго года.

Сколь несносенъ холодъ! Блѣдность покрыла блистательный цвѣтъ юности и здравія; ланиты имѣютъ цвѣтъ багровый; содраганіе разливается по всему тѣлу. Вы, которые наслаждаетесь веселіемъ и спокойствіемъ въ выгодныхъ своихъ жилищахъ среди яркихъ лучей наемнаго свѣта, не забываете ли собратій своихъ, скорбящихъ среди бѣдствія? Мразъ удобно проницаетъ вретища бѣдности. Худыя рубища едва покрываютъ дрожащее тѣло ихъ. Нѣсколько теплаго пеплу, разсѣяннаго на развалившемся каминѣ, можетъ ли согрѣть члены ихъ? И такъ когда пѣнистое и кипящее вино наполняетъ чашу удовольствія; когда драгоцѣнныя кушанья, приготовленныя рукою роскоши, дымятся на столахъ вашихъ въ превосходномъ фарфорѣ; вспомните тогда, что подоб-

ные вамѣ люди, преданные болѣзни и отчаянію, претерпѣваютѣ жестокость раздраженнаго неба. Самые вѣтры кажется ходатайствуютѣ за нещастныхѣ: да вдохнутѣ они вѣ сердца ваши соболѣзнованіе и сострадавіе, издая ужасные свои свисты вѣ печальной хижинѣ.

Вѣтры умолкли, свирѣпство ихѣ утолилось: они покрывши землю туманами, одинѣ за другимѣ удалилися вѣ подземныя свои пропасти. Вѣ началѣ снѣгѣ раздѣляяся, низпадаетѣ вѣ маленькихѣ мшистыхѣ частяхѣ, но вскорѣ онѣ спремится вѣ большихѣ клочьяхѣ: мрачная мантія ночи украшается бѣлою одеждою. При пробужденіи утра, какое чудо! Вся Природа покрыта одеждою невинности и чистоты; едва можно различить

древа отъ холмовъ, увѣнчанныхъ оными. Гдѣ теперь различie между пашнями и пажитями? Всѣ существа покоются въ величественномъ и блистательномъ смѣшенiи, увеличивающемъ свѣтъ дня, и притупляющемъ наши взоры. Лино не можетъ быть столь бѣло, какъ сей покровъ; самая лилея, естьли бы могла произрасти въ сie бурное время, была бы помрачена блескомъ Природы.

Око не можетъ успокоиться, взирая на сie любопытное и прiятное зрѣлище. Воззрите на кустарники, украшенные столь же бѣлою одеждою, какъ Вестальскiя дѣвы; на луга, покрытыя гораздо чистѣйшею бѣлизною, нежели горностай. Лѣса нагибаются подъ симъ прiятнымъ бременемъ. Вскорѣ вѣтеръ, отъ полуденной

страны дующій, сіе величественное украшеніе обратитъ въ нѣжную влажность. Разпускающаяся селитра проницаетъ землю и удобряетъ ее. Пріятная и утѣшительная эмблема глагола Божія!! „Дождь и снѣгъ снизходятъ съ „небесъ и не возвращаются туда: „но они орошаютъ землю; они „питаютъ надежду земледѣльца: „тако глаголъ Мой никогда не возвратится ко Мнѣ тощь; онъ ис„полнитъ волю Мою и ощастли„витъ тѣхъ, къ которымъ Я из„рекъ его.„

Сколь удивительны и многоразличны дѣла Творческія! Сколъ гибка Природа подъ всесильною десницею! Она пріемлетъ всѣ виды: пары водъ подъемлются на воздухъ, сгущаются, низпадаютъ въ дождѣ, или пріемлютъ твер-

дость льда, или мшистый видъ снѣга, или шарообразность жестокаго града.

Сколь тщетна красота въ очахъ мудреца! Алыя уста, розовый цвѣтъ въ лицѣ, блистающіе взоры, живой и веселой духъ нравятся одну только минуту; но *добродѣтельная душа* имѣетъ прелести, которыя переживаютъ всѣ сіи скоропреходящія красоты, прелести, которыя съ сладкимъ благовоніемъ цвѣтовъ соединяютъ долговременную твердость дерна.

Благоденствіе благочестиваго человѣка подобно древу, коего листья никогда не отпадутъ; онъ спокойствіе свое заемлетъ не отъ премѣняемыхъ и скорогиблющихъ предметовъ, но находитъ его въ себѣ самомъ. Есть ли

нечаянные случаи доводятъ его до бѣдности, онъ богатъ стяжаніемъ благодати, и еще богатѣе чаяніемъ вѣчной славы: радость его несравненно превосходнѣе суетнаго шума чувственныхъ утѣхъ нашихъ, гораздо благороднѣе и независимѣе, нежели благосклонности обманчивой богини, *Фортуны*.

Природа снимаетъ бѣлое свое покрывало; снѣгъ садится и каплетъ съ кровлей нашихъ; ревущія каскады низвергаются съ высоты горъ; древа постепенно скидаютъ съ себя скучный мѣхъ свой: я различаю луга наши и сады, поелику Природа еще не всѣхъ лишилась прелестей земныхъ; полюбуемся оставшимися красотами ея. Терновое дерево сбрасываетъ съ себя горящій бисеръ свой; простой и дикой плющь покрываетъ вѣть-

вями своими древнія развалившія-ся стѣны. Онъ никогда не оставляетъ своего мѣста, не смотря на вѣтры и бурю; онъ имѣетъ всегда готовыя короны для дѣтей пьянства и веселія. Твердый и отважный лавръ возвышается среди Аквилоновъ; онъ всегда сохраняетъ величественный видъ свой, удостоясь посредствомъ побѣды своей надъ зимою, увѣнчавать главы завоевателей. Сіи древа и нѣкоторыя растѣнія сохраняютъ зелень свою среди снѣга и мразовъ на самомъ челѣ несноснѣйшей и жесточайшей зимы.

Но возведите взоры свои на сей сводъ, оттѣненный тысячею цвѣтовъ: я вижу улыбающееся солнце, и бури укрощаются, лучи его играютъ въ маленькихъ капляхъ дождя, которыми обремененъ

воздухѣ. Какая величественная дуга! сколь прекрасенъ видъ ея! сколь пріятно явленіе ея! Между тѣмъ, какъ скромная фіалка разстилается по полю, и между тѣмъ, какъ роза украшается чистѣйшимъ румянцемъ, оливная вѣтвь, знакъ міра, возвышается до облаковъ; она восклицаетъ въ священныхъ и величественныхъ словахъ: „На землѣ міръ — въ человѣцѣхъ благоволеніе.„ Сей сводъ есть твердѣйшее основаніе вселенной и вѣрный залогъ нескончаемаго царства и вѣчнаго блаженства. *Сія* небесная дуга есть подножіе превыспренняго Божія трона: она вѣщаетъ вселенной, что бури изчезли, что свирѣпая зима заключена въ оковахъ, и что кроткая весна, увѣнчанная пріятнѣйшими цвѣтами, грядетъ водариться въ Природѣ.

XII.

Заключенiе.

И такъ все созерцаемое мною — сiи мiры, соблюдающiе надъ главами нашими ежедневное теченiе свое, сiи атомы окружающiе насъ; всѣ сiи существа, обитающiя въ нѣдрахъ Природы, суть смѣлые свидѣтели вездѣприсущаго Божества. Богъ не скрытъ отъ насъ. Природа открываетъ бытiе Его. . . . Всюду примѣтны слѣды Его. Вѣчное существо! Творецъ! всѣ чувства наши ощущаютъ Тебя; дѣла Твои возвѣщаютъ Тебя очамъ нашимъ; благость Твоя говоритъ душѣ нашей; по повелѣнiю Твоему тихiе лучи дневнаго свѣтила согрѣваютъ насъ во время утра; Ты прохлаждаешь насъ и успокоеваешь тихимъ дуновенiемъ зефировъ во время вечера. . . . Слава Твоя

блистаетъ въ небесныхъ лампадахъ, возжигаемыхъ нощію; Ты являешь намъ свою улыбку въ цвѣтахъ весны; Твое величество начертано для насъ въ безконечномъ пространствѣ творенія. Твоя мудрость напечатлѣнна на непримѣтныхъ летающихъ насѣкомыхъ, въ которыхъ Ты вложилъ искру жизни. Сколь слѣпы и несмысленны тѣ, которые будучи безпрестанно поражаемы ощутительными знаками Твоего присутствія, и которые попирая ногами своими чудеса, безпрестанно для нихъ возраждающіяся, могутъ на минуту забыть Тебя! Всеобщій источникъ всѣхъ существъ! даруй мнѣ столь проницательные взоры, чтобы я могъ видѣть Тебя во всѣхъ предметахъ; даруй мнѣ сердце, чувствительное и преданное сердце, чтобы я могъ покланяться Тебѣ

каждую минуту. Я желаю любить Бога просвѣщающаго и руководствующаго меня — желаю любить вѣчно. Я не могъ бы жить безъ Него.

Небо привело въ изумленіе душу мою прежде, нежели я могъ размыслить о Немъ со вниманіемъ, приличнымъ человѣку. Когда я въ небреженіи склонился на мягкій мохъ; когда глаза мои блуждали въ Природѣ и созерцали небеса, оттѣненныя нѣжною лазурью, горящія огнемъ тысячи лампадъ, тогда тайное восхищеніе вкралось въ чувства мои. Я не знаю, какое-то пріятное чувствованіе безпрестанно возводило взоры мои къ сему обворожительному и великолѣпному зрѣлищу; обоняніе мое нѣжно ласкаемое запахомъ цвѣтовъ, которые я попиралъ ногами; томная и меланхолическая пѣснь соловья,

тронутыя и услажденныя пріятною прохладою мои мысли; ничто — ничто не могло развлечь моего восхищенія, произведеннаго во мнѣ симъ кроткимъ разсматриваніемъ.

Я чувствовалъ, не знаю, какое-то могущество, которое возвышало душу мою, которое возносило меня превыше человѣческой гордости и способствовало взору моему яснѣе разсматривать величественные предметы, представляемые мнѣ моею мыслію. Я думалъ, что я слышу гласъ съ высоты небесныхъ сферъ, повелѣвающій мнѣ презирать земныя вещи. Я простиралъ мои надежды и желанія къ недовѣдомымъ мнѣ утѣхамъ. Въ будущности — въ вѣчности будутъ на меня дѣйствовать сіи нравственныя вліянія Для нѣкоторыхъ людей они служатъ свѣ-

тильникомъ трудолюбіи; они ихъ утѣшаютъ вѣчною нощію. Естьли мы будемъ руководствовать къ мудрости и блаженству.

Я разсматривалъ, испытывалъ, взвѣшивалъ свои мысли и размышлялъ о величественныхъ предметахъ; я обращалъ удивленное и боязливое око свое къ небу; съ прискорбіемъ опускалъ изнуренный взоръ свой на землю, и снова стремительно возводилъ его на небеса. Я не могъ насытить очей моихъ; мысли мои принуждали пылкое воображеніе мое покориться расматриванію Природы. Я находилъ въ ней безпрестанно новыя и поразительныя чудеса; — и послѣ рачительнаго и пленительнаго разсматриванія только удивлялся — и ничего наконецъ не мо-

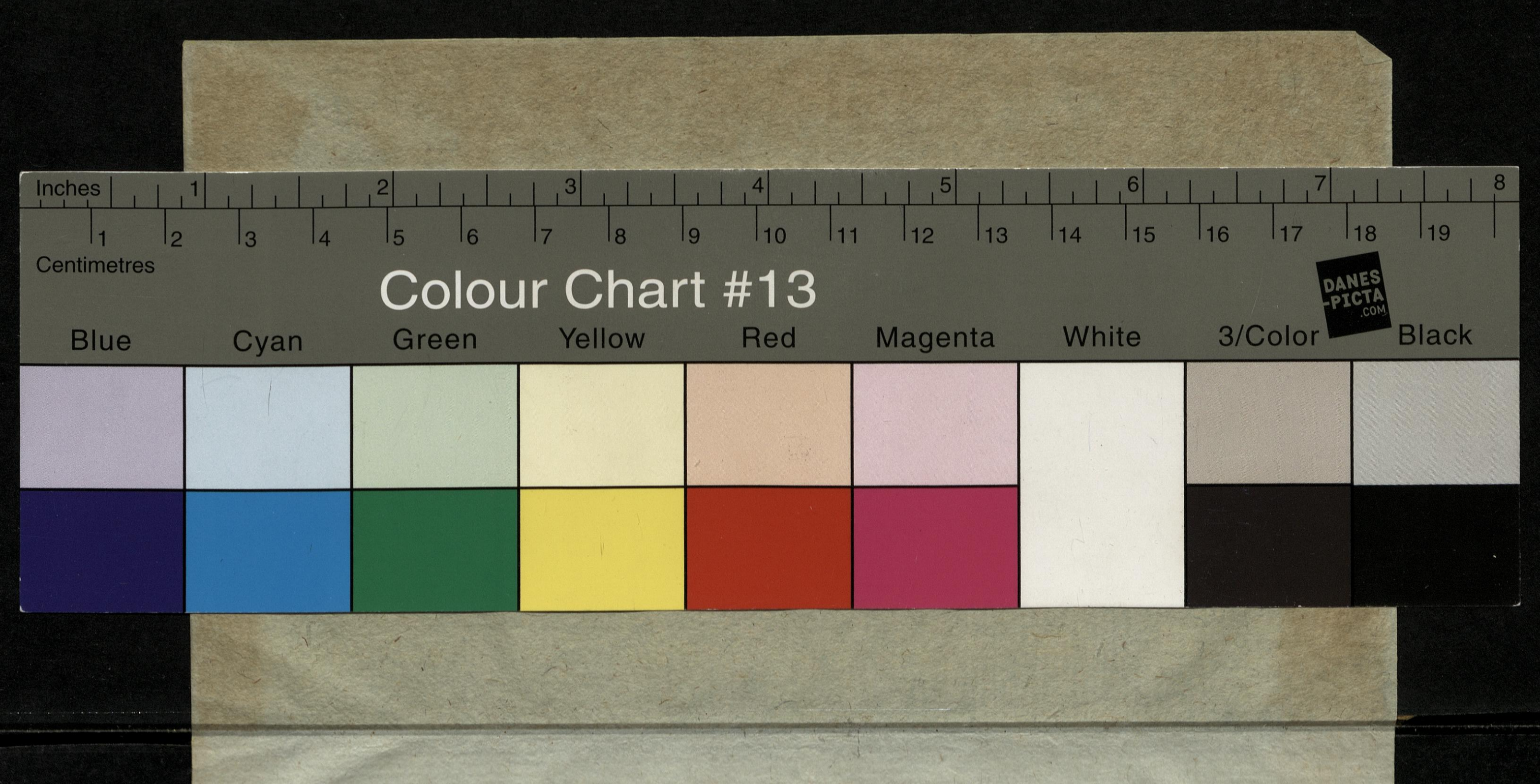
гу сказать, развѣ: велій еси Господи, чудна дѣла Твоя!!!

Конецъ четвертой и послѣдней Части.

Прочтена.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
31062-0
КП-30760.

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES PICTA .COM

Инв. 5599 22

